

Городской театр.

„Враги“ пьеса М. Горького.

„Свободный“ театр набросился на запрещенную старую цензурой пьесу.

Прошли „Враги“, дальше намечены „Зароко“ Карцова, „Зеленый попугай“ Шницлера, „Павелъ I“, „Сергій Сатилловъ“ Южина.

Какая то игра на обывательскую психологию: марка запрещенія подогрываетъ интересъ къ пьесѣ, а вопросъ о литературныхъ достоинствахъ пьесы дѣло второстепенное. „Такъ было, такъ будетъ“...

Горьковская пьеса удостоилась свѣта рампы, только потому, что цензура когда то не пропустила ее на сцену; сама по себѣ, какъ драма собственно! „Враги“ Горького удивительно неуклюже, несладко скроенная пьеса.

Никогда въ жизни Горькій не былъ хорошимъ драматургомъ, но въ „Врагахъ“ онъ обнаружилъ полную сценическую безпомощность: не появляются дѣйствующія лица, толкуются на сценѣ, безконечно говорятъ, говорятъ вудно, тоскливо. Какая же эта драма? Такъ, словесное упражненіе въ драматической формѣ.

Израилъ пьесу также вяло, безжизненно: актеры точно намечены выходяли, исчезали, усаживались, перою ходили, но дѣлали все это по обязанности.

Возможно, виною этому была недостаточная работа режиссера, не сумѣвшего найти вѣрный тонъ для исполненія горьковской пьесы.

Нельзя же игрою считать декламацию г. Корнильева; въ безконечный разъ повторилъ себя г. Владимовичъ-Щеченъговъ; обыкновеннѣйшимъ образомъ читали и подавали свои реплики г.г. Свободской и Блэкони.

Иногда только мелькало что то живое у г-жи Карелиной, можетъ быть, потому, что въ ея роли были намеки на непосредственное чувство.

Всобщее, какъ отъ пьесы впечатлѣніе отъ „Враговъ“ самое безотрадное.

Съ идейной стороны... Устарѣла пьеса, сильно устарѣла: мы прожили такую сложную жизнь за послѣдніе шесть мѣсяцевъ нашей „углубленно-перманентной“ революціи, что идеи и чувства М. Горького кажутся теперь наивно-примитивными.

Да и самъ М. Горькій, какъ руководитель „Новой жизни“, теперь, вѣроятно, отъ многого бы отказался въ своей пьесѣ.

„Враги“, конечно, искренне борцы—трудъ и капиталъ, всегда находящіеся въ смертельной схваткѣ, но у Горького эта борьба выражена въ дѣтской для нашихъ дней формѣ, забастовки на фабрикахъ. Что теперь для насъ единичная забастовка?

Такъ, мимо проходящее явленіе, не стоящее вниманія. У насъ теперь бѣже грандіозные масштабы...

Все дѣйствующія лица у Горького съ математической правильностью располагаются на двѣ группы: одни за „революціонный пролетаріатъ“, другіе противъ него.

Въ глазахъ первыхъ вчерашніе „соціаллисты“—прежде это слово звучало революціонно—надѣлены всеми совершенствами, они особенные люди.

Другіе заражены инстинктивной ненавистью къ этимъ соціалистамъ, и въ то время, какъ одни видятъ спасеніе только въ социализмѣ, въ побѣдѣ пролетаріата, другіе съ приходомъ послѣдняго ждуть познанаго опустошенія земли, наступленія царства грубости и вавдализма.

Одно дѣйствующее лицо пророчески предвидитъ и разрушеніе всехъ культурныхъ цѣнностей „организованнымъ пролетаріатомъ“ (по-теперешней терминологіи).

Столкновеніе двухъ міровъ, дѣйствительно, богатѣйшая тема для драмы, но Горькій только-только подошелъ къ этой темѣ, подошелъ безъ захвата, безъ темперamenta, безъ углубленнаго пониманія этой трагической стороны всемірной исторіи.

Сдѣлать однихъ черными, другихъ бѣлыми, техника лубка; такую технику воспользовался Горькій и написалъ неважную пьесу.

Только иногда, мѣстами во „Врагахъ“ попадаются отдѣльныя мысли, приобретающія особенно острое, волнующее значеніе, когда имъ на самихъ себѣ испытываемъ все ужасы немощно разиграемой социальной борьбы, но это только мысли.

Для драмы и для художника мало только мыслей, нужны образы, ясно вытекаемые, нужна общая концепція, выработанная въ огнѣ разгорѣвшихся смилій; для всего этого нуженъ большой художникъ и такого еще ждуть наша революція; но ясно, не Горькому суждено быть такимъ художникомъ: онъ въ этой области пока ученикъ, не доросшій до мастера...

Будемъ ждать мастера. Дождемся-ли?...

Н. Станскій.